

ГАДКИЙ УТЕНОК

„НОВАЯ ДЕРЕВНЯ“

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

A-65

ГАДКИЙ УТЕНОК

Сказка Андерсена.

18339
180.2973
ЮНТАУТ
КАТАЛОГ
1935
Прозрени
ВРЕД
Как хорошо было за городом, в де-
ревне! Лето стояло в самом раз-
гаре; полные колосья ржи, вол-
нуясь, блестели своею прелестною жел-
тизною; овес еще зеленел, а на лугах вы-
соко стояли стога сена, наполняя воздух бла-
гоуханием. Длинный, красноногий аист раз-
гуливал здесь и болтал что-то по-египе-
тски, на языке, которому научился от своей
матушки.

КАРТИНА
ДЛЯ ДЕТЕЙ
ДЕТГИЗА

Вокруг полей и лугов тянулись огромные леса, а посреди лесов, там и сям, виднелись глубокие озера.

Да, действительно хорошо было в деревне!

Яркие лучи солнца падали на старый господский дом, окруженный глубокими канавами; от стен его тянулись вплоть до самой реки репейники с огромными листьями; они были так высоки, что маленькие дети свободно могли прятаться под ними, и среди них было так же глухо, как в самой глухой чаще леса.

В одном из таких диких уголков утка устроила себе гнездо и высиживала утят: не весело ей было дожидаться, пока вылупятся ее малютки. Ее почти никто не хотел навещать: другие утки предпочитали лучше плавать в канавах, чем тащиться сюда под репейник, чтобы поболтать с нею.

Наконец, яйца одно за другим начали лопаться, и слышалось: „пик-пик!“, показались утятки и начали просовывать свои маленькие шейки.

— Рап-рап,—сказали они потом, барахтаясь, как умели.

Они с любопытством смотрели на зеленые листья; мать не мешала им смотреть: она знала, что зеленый цвет ничуть не вреден для глаз.

— Ах, как велик мир!—сказали маленькие новорожденные тотчас по выходе из яиц.

— Так вы думаете, что это весь мир?—сказала мать. —Нет! он тянется дальше: от того сада и до самых полей священника; но я туда никогда не ходила... Ну, все вы теперь здесь?—продолжала она, вставая,—Нет, большое яйцо еще не лоп-

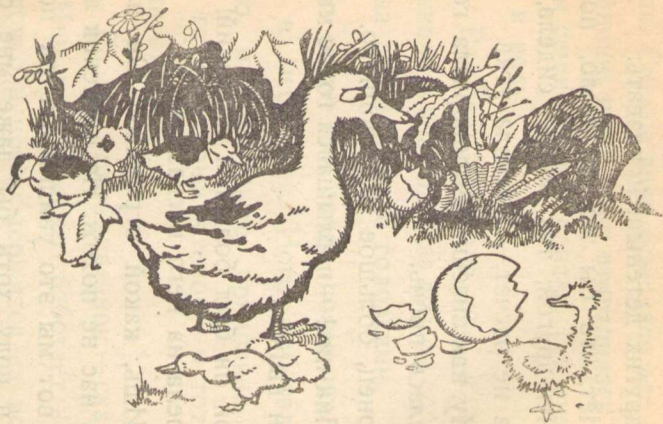
нуло. Господи! да когда же это кончится? Мне уж и этого достаточно.

И она, раздосадованная, снова уселась на место.

— Ну, как делишки?—спросила старая утка, пришедшая ее навестить.

— Вот одно только яйцо что-то не лопается,—отвечала она.—Но ты взгляни-ка на других! Каковы? Не правда ли, очень хороши! Все как две капли воды в отца, а он, злодей, уж и позабыл меня, совсем не ходит ко мне.

— А ну, покажи-ка мне то яйцо, что не лопается. Ах, поверь мне, голубушка, это индейчье яйцо. Я тоже, как вот и ты, была раз обманута. Сколько хлопот мне было с малюткою! Ведь все индюшата страшно боятся воды. Сколько я ни крикала, сколько я ни мучилась, —ничего не могла

— Пик,—пик!—послышался голос малютки, и он выполз.

поделать! Дай-ка, я еще взгляну; ну, конечно, это индейчье яйцо. Брось его и учи лучше других детенышей плавать.

— Нет, что бы там ни было, посижу еще денек-другой; так много сидела, что день-два не расчет,—отвечала утка.

— Ну, как знаешь,—проворчала гостья и поплелась прочь.

Наконец, большое яйцо лопнуло.

— Пик-пик!—послышался голос малютки, и он выполз.

Какой он был большой да гадкий! Утка посмотрела на него и сказала:

— Ишь, какой огромный! Он ни на кого из нас не похож. Не индеенок ли уж это? А вот мы это увидим: он уж пойдет у меня в воду, хоть бы даже мне самой пришлось столкнуть его.

На другой день погода была тоже отличная. Солнце ярко освещало все зеленые репейники; наша утка отправилась со всем своим семейством в канаву. Тут она спрыгнула в воду.

— Рап-рап, — сказала она, и малютки поскакали в воду один за другим, окунулись, и вода покрыла их с головками.

Но скоро они снова появились и плавали в перегонку. Ноги работали сами собою, и всем было привольно в воде; даже гадкий серый утенок — и тот не отставал от других.

— Да, нет, это не индеенок, — сказала утка. — Ишь, как он славно работает ножками, как ловко и прямо держится на воде! Это тоже мой собственный детеныш; если на него глядеть поближе, так он еще не так

безобразен. Рап-рап! Пойдемте теперь со мной: я введу вас в свет и представлю вас на утином дворе. Не отходите только от меня, чтобы вас кто-нибудь не раздавил, а главное, берегитесь кошек.

Пришли они на утиный двор: шум и гвалт ужасный! Два семейства уток спорили из-за головки рыбы, которая, в конце концов, попала кошке в зубы.

— Вот так-то все идет на свете!—сказала утка и стала острить свой клюв: ее тоже не мало смущала головка рыбы.—Ну, детки, теперь идите за мной,—продолжала она:—держите себя хорошенько и поклонитесь пониже вон той почтенной утке. Она самая знатная из всех здешних уток. Она испанского происхождения; потому-то она так и толста. Видите, у нее вокруг ножки красная лента: это самое лучшее

украшение и величайшее отличие, какого только утка может достигнуть. Это означает, что ее не хотят потерять и что ее должны отличать не только животные, но и люди. Ну, идемте же, держите себя хорошенько, да не заплетайтесь ножками: порядочный утенок всегда держит одну ножку подальше от другой... Смотрите, вот так, как я... Ну, теперь кланяйтесь и скажите „рап!“

Они сделали, как было приказано; но другие утки, окружавшие их, косились на них и говорили, не стесняясь, вслух:

— Да, вот извольте-ка радоваться, еще прибавилось: нас и так, славу богу, не мало! И-и! Какой гадкий вот этот! Мы его не потерпим.

И тотчас же одна из уток налетела на несчастного и принялась его щипать.

— Оставь его, — сказала мать, — ведь, он никого не трогает.

— Мало ли что не трогает, но он так велик и так странен, что его вовсе не мешает немного поколотить.

— У вас славные дети, — сказала старая утка с повязкой. — Они все очень милы, один только не совсем удался: мне бы очень хотелось, чтобы вы его переделали.

— Это невозможно, — сказала мать, — Он, правда, некрасив, но зато у него прекрасный характер! И он великолепно плавает: да я могу даже сказать, что лучше всех других. Мне кажется, что он современем выровняется и похорошеет. Он очень долго пролежал в яйце, поэтому и вышел не таким, как следовало.

Говоря таким образом она гладила его по голове и расправляла ему перышки.

Индийский петух напустился на несчастного утенка.

— Впрочем, ведь он селезень; поэтому красота для него не очень нужна. Современем он будет очень силен и пробьет себе дорогу. Ну, а прочие очень милы; теперь, детки, будьте как дома, и если вы найдете что-нибудь с'естное, то несите ко мне.

И они стали вести себя как дома. Но бедного утенка, который вышел из последнего яйца, били, кусали и щипали не только утки, но даже и куры.

— Он слишком велик, — говорили они все.

И индейский петух, родившийся со шпорами и потому воображавший себя императором, раздулся, словно корабль на всех парусах, прямо напустился на несчастного утенка и до самых глаз покраснел от злости. Бедный утенок не знал, что ему делать:

оставаться ли на месте или бежать куда-нибудь; ему было очень грустно, что он так дурен и что над ним издевается весь птичий двор.

Так прошел первый день, но в следующие ему доставалось еще более. Всюду гнали несчастного утенка; даже его братья и сестры — и те не давали ему прохода.

— Как было бы хорошо, если бы тебя утащила кошка! — твердили они беспрестанно.

Мать тоже говорила:

— Уйди, пожалуйста, куда-нибудь подальше.

Утки кусали его, куры били, и девушка, кормившая птиц, отталкивала его ногою.

Наконец, ему удалось вырваться от них, и он перелетел через плетень. Маленькие

птички, сидевшие в кустах, разлетелись с испугу.

— Это оттого, что я очень дурен, подумал утенок и, закрыв глаза, продолжал свой путь.

Таким образом он добрался до большого болота, где жили дикие утки. Сильно утомленный и сильно опечаленный, он проспал здесь до самого утра.

На рассвете дикие утки проснулись и заметили своего нового товарища.

— Ты что за птица такая?

Наш утенок только поворачивался на все стороны и кланялся всем, как умел.

— Ты, батюшка, страшно дурен! — сказали дикие утки, — но это для нас не важно, лишь бы только ты выбрал себе жену из нашего семейства.

Бедняжка! ему и в голову-то никогда не приходило жениться; он просил только, чтобы ему позволили оставаться в тростнике и пить болотную воду. Так он пролежал здесь два дня; на третий день прилетели сюда два диких гуся; они немного пожили еще на свете, и поэтому были очень дерзки.

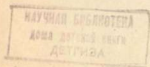
— Послушай, товарищ, — сказали они: — ты так гадок, что мы не особенно опасаемся, если ты будешь вместе с нами. Хочешь летать с нами и сделаться перелетной птицей? Здесь недалеко, в другом болоте, есть много диких гусынь; почти все они молодые девушки и умеют прекрасно петь. Кто знает, может-быть, тебе и посчастливится!

Вдруг послышалось: „пиф, паф!“ — и оба гуся упали мертвые в тростник, и вода покраснела от их крови.

— Пиф, паф! — и стая диких гусынь быстро вылетела из тростника. Выстрелы слышались один за другим. Это была большая охота. Охотники расположились вокруг всего болота; некоторые из них разместились даже по деревьям. Синеватый дым, словно небольшие облачка, выходил из густых кустов и расстился по воде; к болоту приближали охотничьи собаки, и вот уже тростники начали гнуться во все стороны. Бедный утенок был страшно испуган. Он, было, уже сложил головку, чтобы спрятать ее под крылышко, как вдруг, откуда ни возмись, перед ним очутилась страшная собачища; язык у нее висел далеко от пасти, она задыхалась, глаза у нее блестели ужасным блеском. Собака протянула пасть к утенку, оскалила зубы, но вдруг вся сморщилась и прошла мимо, не тронув его.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед бедным утенком
очутилась страшная собачища.

— Благодарю тебя, господи! — прошептал сквозь слезы утенок. — Я так гадок, что даже собаке противно кусить меня.

И он лежал, таким образом, не шевелясь ни одним членом, в то время как дробь свистела в тростнике, и ружейные выстрелы раздавались один за другим.

Только к вечеру шум прекратился, но и тогда еще утенок не осмелился подняться. Он прождал несколько часов, осмотрелся сначала, а затем стремглав пустился бежать из болота. Он бежал через поля и луга; по дороге застигла его страшная буря, мешавшая ему двигаться далее.

К вечеру он кое-как добрался до бедной крестьянской избушки, до того ветхой, что она не знала, в какую сторону ей упасть, и только потому не падала. Буря до того

бушевала вокруг утенка, что ему пришлось присесть и прислониться к избушке, чтобы не упасть.

Но тут он заметил, что одна половина двери соскочила с петель и так криво висела, что сквозь щель легко можно было пробраться внутрь, чем он и воспользовался.

В избушке жила старая женщина с котом и курицею.

Кот, которого хозяйка называла сыночком, умел отлично выгибаться и мурлыкать, он умел даже испускать из себя искры, но для этого его надобно было ночью погладить против шерсти.

У курочки были очень короткие ножки, отчего ее прозвали коротконожкой; она несла великолепные яйца, и старушка любила ее, как родную дочь.

Поутру сейчас же заметили чужого утенка; кот сердито начал мурлыкать, а курочка сильно закудахтала.

— Это что такое? — сказала старушка, осматриваясь кругом.

Она очень плохо видела и поэтому приняла утенка за заблудившуюся жирную утку. — Вот так находка! — сказала она. — Теперь, стало быть, у меня будут и утиные яйца, если только это не селезень. Но мы увидим.

Три недели прождала она, но яиц все-таки не было. В этой избушке господином был кот, а госпожою — курочка; поэтому они то-и дело говорили: „Мы и мир“, — они себя считали, по крайней мере, половиной мира, и притом его лучшей половиной.

Утенок позволял себе думать, что о них можно иметь и другое мнение, но это сердило курочку.

— Умеешь ты нести яйца?—спрашивала она утенка.

— Нет.

— Ну, так не угодно ли будет тебе замолчать!

— Ну, а умеешь ты изгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?—спрашивал его, в свою очередь, кот.

— Нет.

— Не умеешь? Так и нечего тебе соваться со своим мнением, когда говорят умные люди.

И утенок, огорченный, улегся в уголок; но вдруг свежий воздух и яркие солнечные лучи проникли в комнату, и утенку так сильно захотелось плавать в пруду, что он не мог не сказать об этом курочке.

— Это еще что за новости?—сказала она.—Тебе нечего делать, вот и лезет тебе

в голову всякий вздор. Неси яйца или мурлыкай, и капризы твои пройдут.

— Но ведь плавать так приятно!—сказал утенок;—какое удовольствие испытываешь, когда ныряешь!

— Удивительно приятно!—сказала курочка.—Мне кажется, ты совсем рехнулся. Спроси-ка у кота, что он скажет, а он умнейшее создание, которое когда-либо приходилось мне встречать. Спроси у него: любит ли он плавать или нырять? А то спроси у нашей хозяйшки; умнее ее уж во всем свете не найдешь. Ужель ты думаешь, что она находит большое удовольствие плавать или нырять?

— Вы меня не понимаете.

— Мы тебя не понимаем? Но кто же мог бы тебя понять! Уж не думаешь ли ты, что ты умнее кота и нашей хозяйки?

— Да я же ничего не говорю о себе.

— Повыкинь-ка, друг мой, весь этот вздор вон из головы и благодари лучше создателя за все благодеяния, которыми ты осыпан. Тебя приняли в теплую комнату, тебя окружили таким обществом, от которого можешь кое-чему научиться, и ты пускаешься рассуждать еще!.. Нет, ты просто невыносим, с тобой невозможно жить. Поверь мне, я желаю тебе добра; конечно, мои слова для тебя не совсем приятны, но именно поэтому-то узнаются истинные друзья. Послушайся моего совета и постарайся нести яйца или испускать искры.

— Я думаю, мне гораздо лучше будет, если я уйду от вас и пойду странствовать по белому свету,—сказал селезень.

— Это как тебе будет угодно,—сказала курочка.

И утенок покинул их. Он плавал и нырял, но все его отгоняли за его безобразие.

Наступила осень. Листья в лесах пожелтели; ветер срывал их и разносил по воздуху; в воздухе было очень холодно; снеговые сизые тучи висели над землею; на плетне сидела ворона и громко каркала,—так было ей холодно. Каково же было бедному утенку?

Раз вечером, когда солнце величественно закатывалось за небосклон, из лесу вылетела целая стая больших красивых птиц; утенку никогда не приходилось видеть подобных; они были ослепительной белизны; у них были длинные гибкие шеи. Это были лебеди. Их голос звучал совершенно особенно. Они подымались так высоко, так высоко, что у утенка закружилась даже голова и странно становилось у него на душе;

он кружился в воде, словно колесо, вытягивал свою шейку на разные лады, протягивал ее к ним вверх и, наконец, испустил такой странный и такой пронзительный крик, что ему самому сделалось страшно.

Он никак не мог забыть этих прекрасных и счастливых птиц; когда он потерял их из виду, он нырнул до самого дна; вынырнув, он все еще оставался несколько времени, словно помешанный. Он не знал, что это были за птицы и куда они направлялись, а между тем он их полюбил, как никого не любил еще доселе. Но он не завидовал им, ему в голову не могла прийти мысль о подобном счастье. Он, бедняжка, был бы очень доволен, если бы утки не прогнали его из своей компании.

А зима становилась, между тем, все холоднее. Чтобы не дать воде совершенно

замерзнуть, утенок должен был беспрестанно плавать. Но с каждой ночью пространство, в котором он плавал, становилось все меньше, потому что наступили такие морозы, что слышно было, как трещал самый лед. Чтобы отверстие не закрылось совсем, бедный утенок принужден был беспрестанно и усиленно работать ножками. Но, наконец, утенок совершенно выбился из сил, ножки его более не работали, и мороз охватил его совсем.

На другой день, рано утром, проходивший мимо мужичек увидел замерзнувшего утенка; он разбил лед своим тяжелым сапогом, взял несчастного утенка и отнес к своей жене. Тут утенок снова ожил.

Дети захотели было поиграть с ним, но утенок, думая, что они затевают что-то недоброе, от страха бросился от них да

попал прямо в горшок с молоком. Молоко полилось по комнате. Жена мужичка всплеснула руками от гнева, а утенок, перепугавшись еще больше, попал в кадушку с маслом, а оттуда в кадку с мукой и, наконец, вылетел вон.

Боже мой, что тут только было! Хозяйка кричала, бегала за ним и старалась ударить его ухватом; дети тоже бросились ловить его, кричали, толкали друг друга. По счастью, дверь на этот раз была открыта настежь; утенок бросился в нее и, пробравшись через хворост, весь измученный, упал на только что выпавший снег.

Было бы слишком печально рассказывать о всех бедствиях и лишениях, которые выпали на долю несчастного утенка во время этой жестокой зимы.

Он лежал в болоте между тростниками, когда солнце снова начало согревать всю природу. Жаворонки запели. Началась прекрасная весна.

Тут утенок вдруг почувствовал, что он может довериться своим крыльям, которые ударили по воздуху с большею силою, чем прежде, и что они без труда могут перенести его в далекие страны. И он скоро очутился в большом саду, где яблони были в полном цвету, сирень благоухала, а ее зеленые ветки склонились над канавами. Как все дышало весною!

И вот из глубины леса выпорхнули три белых прекрасных лебедя. Они весело помахиwali крыльями и плыли по воде. Утенок уже знал этих прелестных птиц, и грустно ему становилось, когда он глядел на них.

— Полечу-ка к этим царственным птицам... Они меня убьют за мою дерзость, за то, что я, такой гадкий, осмелился приблизиться к ним; но для меня это все равно. Уж лучше быть убитым лебедями, чем переносить щипки уток, побои куриц, толчки птичниц и всякую нужду зимою.

И утенок слетел на воду и поплыл прямо к лебедям; они, завидев его, замахали крыльями и направились прямо к нему.

— Убейте, убейте меня!—простонал бедняжка и, склонив голову к воде, дожидался смерти, но—о, чудо,—вместо уродливой темносерой птицы, утенок увидел себя в зеркальной воде прекрасным лебедем.

Не беда родиться на птичьем дворе, когда родишься из лебединого яйца. Теперь, после всяких лишений и бедствий ему стало легко и весело на душе. Теперь

только понял он все свое счастье, видя, какое великолепие его окружало!

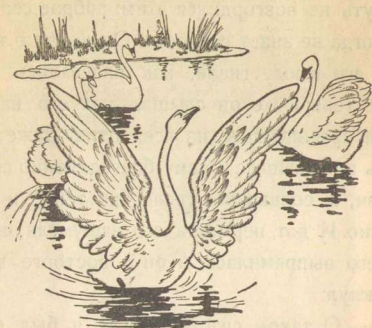
Большие лебеди плавали вокруг него и гладили его своими носиками.

Тут прибежали маленькие дети и стали бросать в воду кусочки хлеба, и самый маленький из них, увидев нового пришельца, закричал от радости:

— Ах, новый, новый!

— Новый, новый!—подхватили другие дети, прыгая и хлопая в ладоши, и побежали к отцу и матери. Возвратясь, они снова начали бросать в воду кусочки хлеба и пирога, и все дети говорили:—Новый лебедь красивее всех! Какой он молодой да статный!

И старые лебеди преклонились перед ним.

Старые лебеди преклонились перед ним.

Ему стало неловко, он спрятал свою головку под крылышко. Он не знал, что ему делать: так счастлив он был. Но он ничуть не возгордился этим: доброе сердце никогда не знает гордости. Он думал о том, как его всюду гнали, как издевались над ним, теперь же он слышал, как его называли красивейшею из всех птиц. Даже сирень протягивала к нему благосклонно свои ветви, а солнышко грело так тепло и радужно. И вот, перышки его зашумели, шейка его выпрямилась, и он в восторге воскликнул:

— О таком счастье, когда я был еще гаденьким утенком, мне и во сне не снилось!

Пров. 1969

18334

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА
ДЕТГИЗА

250

